Памятное поле.

Сосѣдъ мой Ц. былъ страстный охотникъ. Особенно любилъ онъ охоту съ борзыми, но любилъ также и охоту съ ружьемъ по птицѣ. Страсть Ц. къ охотѣ простиралась до того, что онъ нерѣдко ходилъ удить рыбу и готовъ былъ просиживать съ удочкой цѣлые часы.

Собаки у него были лучшія въ уѣздѣ, и онъ любилъ ими похвастать. Бывало, какъ только пріѣдешь къ нему, онъ сейчасъ же показываетъ вамъ всѣхъ собакъ, причемъ каждую борзую псари приводили поодиночкѣ, хотя бы это было въ двадцатый разъ.

Ц. былъ помѣщикъ стараго покроя, — крѣпостникъ, какъ говорятъ теперь,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный и гуманный, всегда готовый всякому помочь. Къ нему, какъ къ лучшему хозяину въ уѣздѣ, очень часто прибѣгали за совѣтами, которыми не разъ и я пользовался, какъ хозяинъ еще молодой и только-что начинающій заниматься сельскимъ хозяйствомъ.

Познакомился я съ Ц. въ годъ крестьянской реформы. Эта реформа застала его въ должности мирового посредника. Я въ это время—послѣ смерти отца—дѣлился со своими братьями и сестрами. Такъ какъ поземельное дѣло было намъ совсѣмъ незнакомо и мы въ немъ ничего не смыслили, вслѣдствіе чего могли надѣлать крупныхъ ошибокъ, то и пригласили Ц. какъ, стараго, опытнаго хозяина, понимающаго это дѣло, помочь намъ, тѣмъ болѣе, что доставшееся мнѣ имѣніе было въ его участкѣ. Вотъ тутъ-то я съ нимъ и познакомился.

Раздѣлъ нашъ кончился въ нѣсколько часовъ. Всѣ братья были на службѣ; я же, какъ раненый въ послѣднюю войну, служить уже больше не могъ и вынужденъ былъ поселиться въ доставшемся мнѣ по раздѣлу имѣніи.

На третій день, по совершеніи купчей, всѣ разъѣхались. Мнѣ пришлось остаться и хозяйничать одному, почему мнѣ и было особенно дорого это знакомство.

Ц. былъ вдовецъ — лѣтъ 45-ти, мужчина плотный, здоровый, средняго роста, очень энергичный. Послѣ смерти жены у него осталась довольно большая семья: три дочери и два сына (старшей дочери было 10 лѣтъ). Жива была его мать, старушка. Кромѣ нея въ домѣ при дѣтяхъ была гувернантка. Домъ, какъ видите, вполнѣ семейный.

Впослѣдствіи онъ говорилъ, что во время нашего раздѣла, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, мы всѣ ему понравились, и что такого дружелюбнаго раздѣла ему не приходилось встрѣчать: безъ споровъ, часа въ четыре, все было закончено, написано и подписано.

Я съ Ц. очень сошелся,—даже сдѣлались мы съ нимъ друзьями. Начало этой дружбы было такое.

Досталъ я замѣчательной красоты, крупнаго роста маркловскаго кобеля у нашего предводителя дворянства Д., который отдалъ его мнѣ потому, что не могъ ничего съ нимъ сдѣлать: онъ немилосердно гонялъ по птицѣ, но особенно по зайцу. Я взялъ его за породистость, красоту и рѣдкій ростъ; къ тому же онъ былъ молодой—всего только двухъ лѣтъ. И вотъ, устроивъ парфорсъ съ колючими гвоздями, веревку въ 10 саженъ длины, на концѣ которой сдѣлалъ петлю, чтобы можно было надѣвать на ногу, отправился въ сосѣднюю дачу на охоту по перепеламъ. Это было въ концѣ августа, когда проса были уже убраны. Ищу я съ своимъ Тримомъ (такъ звали пса) перепеловъ и вижу—вдали тоже кто-то съ ружьемъ и собакой. Идемъ мы другъ къ другу навстрѣчу. Издали узнаю, что это Ц. Въ это время мой Тримъ остановился въ мертвѣйшей стойкѣ и въ этой стойкѣ былъ чрезвычайно красивъ. Я собралъ 10-ти саженную веревку, конецъ петлей надѣлъ на ногу, натянулъ петлю до паха и приготовилъ

ружье. Тримъ стоялъ твердо. Ц. остáновился, — залюбовался Тримомъ, какъ говорилъ онъ послѣ.

— Пиль, пиль!—Взлетаютъ два перепела.

Мой Тримъ, какъ пуля бросился за ними. Выстрѣлъ, другой—падаютъ оба; но въ этотъ моментъ я, подорванный привязанной за ногу веревкой, шлепнулся о земь, а сумасшедшій Тримъ перевернулся вверхъ ногами.—Раздался громкій хохотъ. Это смѣялся Ц. Картина дѣйствительно была рѣдкая: лежалъ я, лежала собака и валялись два перепела.

Но вотъ подошелъ Ц., вскочилъ и я. Мы бросились другъ другу въ объятія и расцѣловались. Вотъ съ этого момента, по самую его смерть, мы неразлучно съ нимъ охотились. Охотились мы и по птицѣ, и по звѣрю, и съ гончими, и съ борзыми, — однимъ словомъ, охотились всячески.

Второй, бывшій со мной, въ этомъ родѣ, случай еще болѣе связалъ насъ, какъ охотниковъ, неразрывной дружбой.

Это было зимой. Къ вечеру была оттепель и чуть ли не дождь; мы порѣшили поохотиться на другой день съ гончими и ружьемъ у его родственника М. По оврагамъ густо росъ молодой березнякъ, въ которомъ водилось много русака. И вотъ на утро мы сюда отправились. Была гололедка: послѣ оттепели къ утру заморозило. Снѣгу было много, но голые бугры совершенно обледенѣли, стали гладки и прозрачны, какъ зеркало. День былъ ясный—солнечный, морозу градусовъ восемь; въ воздухѣ тишина. Ничто не шелохнетъ. Хорошо и отрадно было на душѣ... Бросили гончихъ и пошли мастерить. Убили нѣсколько русаковъ. Все шло хорошо. Наконецъ, гончія начали смолкать. Я замѣтилъ, что много ночныхъ заячьихъ слѣдовъ вышло изъ мелочей на набой, на обледенѣлый бугоръ; но тутъ, какъ на стеклѣ, слѣды, конечно, не были уже видны.

Скользя, какъ по стеклу, пошелъ я по голому бугру, разсчитывая найти гдѣ-нибудь подъ набоемъ еще русака. Шелъ я въ самомъ хорошемъ настроеніи. Убилъ уже двухъ зайцевъ.—Чего же лучше? Гончія гоняли превосходно, веселили душу, день былъ замѣчательно хорошій. Все

было отлично. Вокругъ мѣста были картинныя, которыя такъ радовали и веселили душу, что не уходилъ бы отсюда. Но вотъ я замѣчаю на гладкомъ бугрѣ расположенные кружкомъ рубчики, между тѣмъ какъ вокругъ во всѣ стороны все было гладко, какъ зеркало. „Отчего-бы это?— раздумывалъ я, подходя ближе:—ужъ не заяцъ ли тамъ зарылся съ вечера и его въ норѣ заморозило? Да быть этого не можетъ!“

Подошелъ я и сталъ разсматривать: рубчики обозначаются неясно. Я сталъ на колѣнки, положилъ ружье на ледъ и, нагнувшись надъ рубчиками, разсматриваю. Вдругъ изъ норы выпрыгнулъ русакъ, да съ такой силой ударилъ меня въ носъ, что у меня изъ носу хлынула кровь, а изъ глазъ посыпались искры.

Русакъ отъ внезапнаго для него удара до того ошалѣлъ, что забѣгалъ около меня взадъ и впередъ шагахъ въ 15.

Опомнившись, я схватилъ ружье и убилъ этого зайца.

На опушкѣ показался Ц. и я услышалъ его громкій хохотъ. Подбѣжавъ ко мнѣ съ полной горстью снѣга, онъ кое-какъ унялъ текущую у меня изъ носу кровь.

Въ то время, къ которому относился мой разсказъ, въ нашемъ уѣздѣ звѣря было много: на протяженіи 20 верстъ вокругъ я могъ насчитать болѣе десяти волчьихъ гнѣздъ; было много лисицъ, а зайцевъ—русака и бѣляка—и говорить нечего.

Отправляясь на охоту съ гончими или съ борзыми, мы всегда увѣрены были въ успѣхѣ и съ пустыми руками домой также не возвращались.

Охоту и я завелъ, но у меня были голько гончія: борзыхъ я не любилъ, или лучше сказать—объ охотѣ съ борзыми я не имѣлъ никакого понятія. Впослѣдствіи я увлекся борзой охотой и завелъ борзыхъ; но пока охотился съ ружьемъ.

У Ц. составъ охоты былъ значительный: 16 гончихъ и четыре своры борзыхъ, доѣзжачій, выжлятники, борзятники и пр. У меня было 8 гончихъ и одинъ доѣзжачій и больше ничего. Охотились мы всегда вмѣстѣ. Ужъ какъ хотѣлось Ц. сдѣлать меня борзятникомъ! Нѣсколько разъ

предлагалъ онъ мнѣ борзыхъ; но я, предпочитая ружье, упорно отказывался. Такимъ образомъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Перевѣсъ большею частью былъ на моей сторонѣ, и я часто надъ нимъ подтрунивалъ:—„Ну, что твои борзыя? То ли дѣло ружье“!

Разскажу о самой крупной нашей охотѣ по волкамъ.

Въ то время я уже женился и у меня часто собиралось дамское общество. Говорю я это къ тому, что охота состоялась съ дамами: участвовали сосѣди и сосѣдки, въ числѣ которыхъ были—жена моя, ея мать и гувернантка Ц. Компанія дамская собралась порядочная. Это было въ концѣ сентября.

Наканунѣ всѣ собрались у меня, такъ какъ предполагалось выѣхать къ дальнему гнѣзду, бывшему верстахъ въ 15 отъ усадьбы. Другой выводокъ былъ въ 9.

На мѣсто охоты пріѣхали рано. Къ 9 часамъ уже завели гончихъ и заняли мѣста съ борзыми. Я тоже—по обыкновенію съ ружьемъ—занялъ мѣсто.

Мнѣ предоставлялось право стрѣлять, гдѣ я хочу и какъ хочу, не стѣсняясь борзятниками; но я, конечно, не всегда пользовался такимъ льготнымъ правомъ, и большею частью забирался въ середину лѣса или болота, и въ рѣдкихъ случаяхъ, пересѣкая звѣря, убивалъ его противъ борзятника. На этотъ разъ я сталъ на материка: островъ, гдѣ были волки, былъ мнѣ хорошо знакомъ, лазы всѣ извѣстны. Бросили гончихъ и охота началась. Дружно стая взяла материка, и онъ сразу налетѣлъ на меня. Однимъ выстрѣломъ я положилъ его на мѣстѣ и, когда убѣдился, что это былъ старый самецъ, очень былъ радъ: самки мнѣ не хотѣлось бы убивать, хотя, конечно, не пощадилъ бы и ее, какъ и самца. Удовлетворившись вполнѣ такой удачей, я вышелъ на опушку, вынулъ картечь и зарядилъ ружье дробью, не желая больше стрѣлять, а предоставивъ волковъ борзятникамъ.

Съ опушки мнѣ отлично было видно открытое поле, а вдали—другой овражистый островъ, куда былъ лазъ волкамъ. На этомъ лазу стоялъ съ борзыми Ц.,—въ сторонѣ же, немного подальше, экипажи и группа дамъ.

Гончія варомъ варили. Доѣзжачій носился взадъ и впередъ по острову. Все лицо его было въ царапинахъ, въ крови,—порскалъ онъ немилосердно.

День былъ прелестный, тишина полная. Нѣсколько разъ я видѣлъ волка, но не стрѣлялъ.

Смотрю—волкъ замахалъ по направленію къ Ц. Шелъ звѣрь между Ц. и стоявшей группой дамъ.

Ц. спустилъ собакъ со своры. Замѣтивъ собакъ, круто повернулъ къ группѣ барынь, среди которыхъ произошелъ страшный переполохъ: барыни махали платками и слышно было ихъ взвизгиванье.

Ц., пригнувшись къ сѣдлу, съ крикомъ „у-лю-лю“ несся маршъ-маршемъ къ волку.

У ногъ барынь собаки растянули волка, и Ц., подскакавъ и молодецки соскочивши съ лошади, принялъ его.

Въ островѣ стонъ стоялъ. Агапъ (такъ звали доѣзжачаго) нѣтъ-нѣтъ да подавалъ своеобразный позывъ въ рогъ, обозначавшій принять изъ-подъ гончихъ.

Наконецъ, все стихло, какъ бы замерло. Ц. подалъ сигналъ вызывать. Всѣ собрались у экипажей, гдѣ немедленно явилась закуска. Тутъ же лежало семь убитыхъ волковъ и стоялъ около лежавшей стаи гончихъ весь исцарапанный и оборванный Агапъ, держа въ поводу лошадь.

— Съ полемъ, Николай Михайловичъ! (такъ звали Ц.)

— Съ полемъ!—поздравляли его всѣ.

— Господа!—сказалъ Ц.,—надобно поспѣть къ другому выводку. Давайте скорѣй закусывать!

На скорую руку закусили, выпили, причемъ много смѣялись по поводу испуга барынь.

— Скорѣй, скорѣй, господа! Не надо терять золотаго времени: все благопріятствуетъ, день чудесный. Агапычъ! веди собакъ, да тамъ расположись у озера. Выкупай собакъ, дай имъ перекусить чего-нибудь,—немного только. А мы сейчасъ пріѣдемъ.

Стая ушла. Мы были въ самомъ веселомъ настроеніи и все еще продолжали закусывать и подтрунивать надъ дамами.

Наконецъ, терпѣніе у Ц. лопнуло. Онъ былъ весь, какъ на иголкахъ, и все торопилъ.

— Да, господа, сударыни! Поѣдемте же, наконецъ!

Подали лошадей, усѣлись и тронулись.

Въ другомъ островѣ мнѣ посчастливилось много больше; но тутъ уже я не скупился на выстрѣлы и не думалъ о борзятникахъ: самъ разгорячился и увлекся волками, такъ щедро на меня посыпавшимися. Другого выраженія и не придумаешь: случай небывалый! Вышло такъ. Островъ, къ которому мы подъѣхали, былъ расположенъ вокругъ большого озера, гдѣ ожидала насъ стая собакъ съ Агапычемъ. Озеро окружалось густымъ березнякомъ и кочковатыми сухими, въ перемежку съ мокрыми и потными болотами. Мѣстность картинная. Мнѣ посчастливилось стать очень удачно, какъ оказалось, на самомъ лазу, недалеко отъ опушки потнаго болота. Когда мы подъѣхали, собаки лежали на берегу озера. Доѣзжачій ихъ выкупалъ, напоилъ и накормилъ. Стая, видимо, оправилась и отдохнула.

— Ступай, Агапычъ, заводи стаю съ того конца озера, въ густое болото; на самое гнѣздо брось!—сказалъ Ц. и поѣхалъ съ борзятниками занимать лазы.

Я сталъ на заранѣе облюбованномъ мною мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ со стороны болота раздался густой отрывистый взбрехъ Вадилы, затѣмъ сразу закипѣла вся стая.

— Ну, насадилъ какъ разъ на гнѣздо! Молодецъ, Агапычъ!—Приготовился я. Жду. Тутъ недалеко пролегала дорога и на ней появились мальчишки, человѣкъ 15-ть! Я къ нимъ. Поскорѣе устроилъ ихъ такъ, чтобы они хорошо видѣли; сказалъ имъ, чтобы они не разговаривали, мнѣ не мѣшали, какъ можно тише стояли—не шевелились, иначе,—говорю я имъ,—ничего не увидите.

Уговоривши эту мелкую публику, я сталъ на свое мѣсто. Ждать пришлось недолго: болото загремѣло, стая залилась... Съ замираніемъ сердца приготовилъ ружье... Но вотъ слѣва показался торопливо идущій волкъ. Раздался выстрѣлъ—и волкъ остался на мѣстѣ. Поскорѣе заряжаю ружье, и едва успѣлъ зарядить, какъ справа появился дру-

гой волкъ. Опять выстрѣлъ—упалъ и тотъ. Тутъ подбѣгаетъ ко мнѣ вся партія мальчугановъ. Я отдалъ имъ волковъ, чтобы они отнесли ихъ къ лошадямъ. Тороплю ихъ: „несите поскорѣй!“

Ушли всѣ.

Заряжаю снова ружье, приготовился. Черезъ нѣсколько минутъ томительнаго, ожиданія, вижу—два волка вмѣстѣ идутъ шагомъ, одинъ за другимъ.

Выпустивъ ихъ на поляну, стрѣляю задняго—упалъ, потомъ другаго—тоже на мѣстѣ.

Бѣгутъ опять мальчишки. Я опять отдаю имъ волковъ. Они съ большою радостью потащили ихъ къ лошадямъ. Заряжаю опять ружье.

Гончія заливаются, подбѣгаютъ ко мнѣ и опять въ болото. Потомъ голоса стали удаляться все дальше и дальше, повели влѣво. Нужно было быстро пересѣчь сухое болото, на-перерѣзъ голосамъ, чтобы стать на лазу по гону. Пока обдумывалъ это, смотрю—бѣжитъ ко мнѣ, торопится, барышня, гувернантка К., вся въ бѣломъ.

—Хочу,—говоритъ она, запыхавшись,—непремѣнно видѣть, какъ вы стрѣляете волковъ.

— Да, вѣдь, вы въ бѣломъ! Вы будете мѣшать мнѣ и сами ничего не увидите.

— Вы спрячьте меня въ кусты, когда будетъ нужно. Я непремѣнно хочу.

— Ну, такъ бѣгите же за мной,—не отставайте.

Чтобы поспѣть подъ гончихъ, нужно было, какъ я уже сказалъ, быстро пересѣчь болото, которое хотя и сухое было, но съ высокими кочками, по которымъ я и пошелъ скорымъ шагомъ. Мѣстами спотыкаясь, а мѣстами и вовсе падая, бѣжала за мной и барышня.

— Я устала!—выкрикиваетъ она.

Дѣлать нечего, остановился.

— Вѣдь я вамъ говорилъ, что вы будете только мѣшать!

— Я сейчасъ, подождите немного.

И дѣйствительно: чуть передохнули, посидѣли на кочкѣ, говоритъ:—Пойдемте, идите!

Тутъ я ускорилъ шагъ, такъ какъ голоса гончихъ замѣтно слышались ближе: нужно было поспѣть вóвремя. Наконецъ, вышли изъ бóлота и вошли въ густыя мелочá березняка. Голоса гончихъ все приближаются—напираютъ, такъ сказать: вотъ вотъ выскочитъ волкъ.

— Спрячьтесь скорѣй вотъ за этотъ кустъ!—Барышня прижалась къ кусту.—Сядьте,—вы видны".

Лишь только успѣли устроиться, какъ выскакиваетъ волкъ. Я выстрѣлилъ. Волкъ завертѣлся, взбрехивая, хватилъ себя за бокъ, щелкая зубами. Я выхватилъ кинжалъ и всадилъ его волку въ бокъ. Хлынула кровь изо рта и волкъ захрипѣлъ. Обернулся, смотрю—съ моей барышней истерика: дрожитъ вся, какъ въ лихорадкѣ. Подбѣжалъ я къ ней, она, вся блѣдная, истерически вздрагиваетъ. Первое время я не зналъ, что дѣлать; но потомъ бросился къ ней и сталъ ее растегивать, чтобы освободить дыханіе Въ это время слышу крикъ: „Андрей, Андрей!" Оборотившись на крикъ, вижу—идетъ торопливо жена, неожиданному появленію которой я очень обрадовался.

— Иди скорѣй сюда! въ свою очередь закричалъ я ей. Съ приходомъ жены дѣло съ барышней пошло на ладъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ болотѣ я убилъ пять волковъ,—удача небывалая!... Послышался сборный сигналъ: нужно было отправляться къ лошадямъ. Барышня скоро оправилась, и мы пошли.

Дорогой я надъ ней подсмѣивался:—не любопытствуйте въ другой разъ,—это не ваше женское дѣло".

— А я опять буду смотрѣть. Это такъ со мною, на первый разъ.

Собрались охотники, причемъ оказалось, что въ этомъ островѣ взято всего 8 волковъ.

День склонялся къ вечеру,—нужно было торопиться домой.

Двѣ телѣги съ уложенными волками торжественно отправились къ дому. Волковъ уложили такъ, что головы ихъ приподняты были кверху, чтобы всѣмъ было видно. Послѣ отправки телѣгъ съ убитыми волками и мы, весьма довольные удачной охотой, усѣвшись въ экипажи, шум-

но поѣхали домой. Пятнадцать волковъ было взято въ одинъ день! Ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было. Случилось же это потому, что выводки очень удачно расположились въ одну сторону, гнѣздо отъ гнѣзда въ шести верстахъ.

Такъ вотъ какія въ то время бывали охоты!... Можно судить по этому, сколько водилось звѣря въ нашей мѣстности.

На этотъ разъ, любуясь съ опушки лихой травлей волка сворой Ц. и его молодецкимъ пріемомъ звѣря, увлекся нѣсколько и я борзыми. Да и какъ было не увлечься? Со стороны представлялась очень красивая картина: чудная лошадь съ припавшимъ сѣдокомъ неслась во весь карьеръ, впереди свора борзыхъ настигала волка, и вдругъ смѣшалось все въ одну кучу... Тутъ же вывалилась изъ острова и дружно, съ порывистымъ гономъ неслась стая гончихъ, сзади которой неистово скакалъ доѣзжачій и трубилъ побѣду... Какой охотникъ не придетъ въ восторгъ отъ такой картины?! На всемъ скаку Ц. сильно осадилъ своего красавца скакуна и спрыгнулъ прямо на волка.

— Ну, другъ, поздравь меня, хочу быть борзятникомъ!—сказалъ я Ц., когда мы сидѣли уже дома за обѣдомъ. Давай собакъ, не откажусь теперь.

Казалось бы, какъ бросить ружье при такой удачной охотѣ, какъ моя (шесть волковъ въ одинъ день) и взять свору борзыхъ? Однако бросилъ, а взявши собакъ, я сдѣлался отчаяннымъ охотникомъ съ борзыми подъ гончими въ наѣздку по русакамъ и по лисицамъ, а главное—по волку. Волкъ—это бросай все и поѣзжай.

На другой же день Ц. прислалъ мнѣ девять борзыхъ. Устроивъ три своры и принявъ двухъ борзятниковъ, я въ первый же удобный день отправился на травлю по русакамъ, которыхъ, какъ я уже сказалъ, у насъ было множество.

Ранній выѣздъ и великолѣпная погода обѣщали хорошую охоту. Дѣйствительно, мы нашли пропасть русака. Травили и травили, а русаки отъ насъ уходили и уходили!.. Въ результатѣ—ничего... Представьте себѣ: ни одинъ

несчастный русакъ не попался. Крайне разсерженный и раздраженный, возвратился я домой и, на другой же день, перестрѣлялъ всю эту дрянь. Казалось бы тѣмъ и кончится моя попытка,—не тутъ-то было. Когда Ц. узналъ плачевную участь своихъ собакъ, пріятельскихъ, какъ говорятъ охотники, то онъ тотчасъ же прислалъ мнѣ трехъ взрослыхъ и весьма красивыхъ щенятъ отъ лучшихъ своихъ волкодавовъ—Подлеца и Язвы, которыхъ я хорошо зналъ и которые мнѣ нравились. Щенятамъ было по шестому мѣсяцу. На слѣдующую осень я имѣлъ уже настоящую свору—Ударъ, Нахалъ и Вьюга (такъ назвалъ я первыхъ своихъ собакъ), изъ которыхъ Ударъ настолько удался, что онъ-то именно и пристрастилъ меня къ этой охотѣ съ борзыми. Рѣзвости оказался онъ необыкновенной по первой же осени, къ тому же былъ необычайно злобенъ. Въ дѣлѣ я не зналъ лучшей собаки, сколько потомъ ни приходилось мнѣ видѣть ихъ и имѣть самому. Потомство его также отличалось особой рѣзвостью и злобой.

Правда, красоты и породистости въ немъ не было: онъ казался заурядным. Проглядывала въ немъ кровь брудастыхъ, но нельзя было его причислить къ какой-нибудь опредѣленной породѣ. Дѣти его были много породистѣе и красивѣе, но злобнѣе его не было. Были, правда, и рѣзвы и злобны, но все не то, что онъ. Такимъ образомъ я сталъ охотникомъ съ борзыми и гончими. Борзыхъ имѣлъ я три своры, а гончихъ увеличилъ до восемнадцати. Сталъ практиковать отъѣзды. Соединенная наша съ Ц. охота образовалась довольно крупная: около 40 гончихъ и семь, а иногда и восемь своръ борзыхъ.

А. П. Обезьяниновъ.